

УДК 81'37

ДВА МИРА – ДВЕ СЕМАНТИКИ

Н.П. Анисимова

Анализируются семиотические основания европейской (французской) лингвистической традиции и её англо-саксонской (и американской) версий – (*Des racines...*). Затем приводится обзор аналитических позиций французских авторов по соотношению семантики и прагматики в их современном состоянии (*... et des ailes...*).

Ключевые слова: семантика, прагматика, тривиум, триада, история лингвистики.

Des racines...

Обращаясь к истокам европейской лингвистической традиции, мы неоднократно замечали, что в современной лингвистике существуют как минимум два подхода к семантическим исследованиям, обусловленные тем, что они опираются на различные семиотические системы. Приведём эти размышления.

Первоначально семиотические системы, на которые опираются исследования общелингвистической проблематики, были нами названы *интеллектуальными системами*, которые исторически сложились в той или иной национальной научной традиции. Через интеллектуальные системы осуществляется распределение аспектов общелингвистической проблематики между научными дисциплинами. Для французской (и шире – европейской) лингвистики это – греко-римская традиция, эволюционировавшая через этапы средневекового тривиума, спекулятивной грамматики модистов, общей рациональной грамматики, синонимических теорий к сравнительно-историческому языкознанию и, наконец, структурализму языкознанию начала прошлого столетия. Эта традиция, основанная на относительно слабой различимости границ тривиума (логика – грамматика – риторика) в трактовке языковых проблем, создаёт предпосылки к более широкому, по сравнению с жёсткими границами семиотики Ч.С. Пирса – Ч.У. Морриса, толкованию объекта семантических – и шире – лингвистических исследований.

Европейская модель, основанная на системе тривиума, противопоставляется англо-саксонской и американской традиции, базирующейся на логической системе тривиума Ч.С. Пирса – Ч.У. Морриса. Трехединая модель тривиума и семиотическая триада в моррисовской трактовке рассматриваются как разные интеллектуальные системы. Первая определяет распределение центров интереса отдельных частей тривиума на протяжении веков и является тем интеллектуальным базисом, на котором основывается подход к языку как к знаковой системе во французской – и шире – западноевропейской лингвистической традиции. Вторая интеллектуальная система может рассматриваться как семиотический базис для так называемой англо-саксонской традиции, и её «возраст» едва превышает одно столетие.

Однако представляется очевидным, что доминирование последней в современную нам эпоху создаёт определённые проблемы в понимании соотношения её частей (синтактика – семантика – прагматика), чему свидетельство ведущиеся по сей день дискуссии по этому поводу. При всей своей ясности и логичности эта модель ригидна, она предполагает развитие каждой составляющей в отдельности и не даёт возможности синтетического подхода. Что же касается забытой модели тривиума, которая, как уже указывалось, лежит в основе западноевропейской и французской традиций, то она более гибка и позволяет объединять в исследовании разные аспекты языкового феномена. Эта традиция во многом предопределяет стремление французских лингвистов к широкому подходу к проблемам семантики и созданию синтетических теорий, объединяющих все части триады.

Возвращаясь к тем аспектам, которыми занимается лингвистическая теория, мы полагаем возможным соотнести их с частями тривиума и семиотической триады, причём, как мы увидим, модель тривиума оказывается для такого соотнесения более удобной (см. табл. 1).

Таблица 1

<i>Логика (философия)</i>	<i>Грамматика</i>	<i>Риторика</i>
эволюция языка	внутренняя организация языка	язык – средство коммуникации
язык – мир	язык – знаковая система	язык – мышление
язык – мышление	языковые универсалии	язык – общество
язык – знаковая система		язык – психология
языковые универсалии		

Как видим, при таком соотнесении аспектов исследования некоторые из них оказываются как минимум дважды представленными в разных частях тривиума в силу их широты и универсальности: это проблемы языка как знаковой системы, языка и мышления, языковых универсалий. Кроме того, и по сию пору они оказываются предметом размышления как для философии, так и для теоретической лингвистики.

Семиотическая триада основана на рассмотрении языка как знаковой системы. Полагаем, что правомерность сравнения её с моделью тривиума может быть оправдана тем фактом, что именно она оказывается базовой моделью для теоретизирования в так называемой англо-саксонской лингвистической традиции, которая, как известно, претендует в последние десятилетия на первенство в лингвистике. Эта модель гораздо сложнее «поддаётся» соотнесению её с основными аспектами лингвистических исследований. Так, совершенно не ясно, к какой части семиотики можно отнести проблематику эволюции и происхождения языка, психологические аспекты языковой деятельности. Кроме того, поскольку в рамках прагматики была создана отдельная философия языка, большинство лингвистических проблем рассматриваются исключительно через призму прагматического

подхода. Таким образом, прагматическая составляющая семиотики оказывается перегруженной, и вся эта интеллектуальная система теряет сбалансированность и симметрию (см. табл.2).

Таблица 2

<i>Синтактика</i>	<i>Семантика</i>	<i>Прагматика</i>
внутренняя организация языка	язык – знаковая система	язык – средство коммуникации
язык – знаковая система	языковые универсалии	язык – мышление
	язык – мир	язык – общество
		язык – психология
		язык – знаковая система
		язык – мир

Как видим, прагматика берёт на себя роль «вершинной дисциплины», сужая таким образом область синтактики до исследования соотношения «знак – знак», на долю семантики остаются проблемы денотации и референции и логического строения высказывания. При этом, несомненно, в каждой части триады присутствует аспект «язык – знаковая система», рассматриваемый каждый раз с разных позиций. Кроме того, как уже указывалось, полностью игнорируется проблематика диахронического подхода к языку, его происхождения, эволюции и т.д. Эти аспекты оказываются в центре внимания либо новых дисциплин, которые не вписываются в триаду: психолингвистика, когнитивная лингвистика, генеративно-трансформационная грамматика, либо в такие «устаревшие» с точки зрения прагматики отделов языкознания, как история языка, этимология и сравнительно-историческое языкознание. Прагматическая установка на целеполагание (интенцию) и включение анализа в рамки «я – здесь – сейчас» полностью «эвакуирует» эволюционно-исторический аспект лингвистических исследований. Эта модель не даёт возможности синтетического подхода к разным аспектам языкового феномена, создавая между частями семиотики непреодолимые барьеры и позволяя лишь вести дискуссии по поводу их «первичности» или «вторичности» по отношению друг к другу.

Проведя таким образом сопоставительный анализ двух «конкурирующих» интеллектуальных систем, которые определяют распределение центров интереса исследований в области лингвистики, соответственно, для западно-европейской (французской) традиции (тривиум) и так называемой англо-саксонской традиции (триада), можно предположить, что появление на французской теоретико-лингвистической почве идей теории высказывания (*théorie de l'énonciation*), основы которой были разработаны Э. Бенвенистом и получили в дальнейшем своё развитие в достаточно разнообразных формах (О. Дюкро – «интегрированная прагматика», А. Кюльоли – «операции высказывания», Б. Потье – «общая семантика» и др.), есть попытка интегрирования грамматической и риторической частей

тривиума, но никак не синтезирования семантики и прагматики в рамках семиотической триады. Не случайно теоретики характеризуют каноническую версию прагматики как интерактивную, а французскую – как интересубъективную. В названных теориях отсутствует доминирование интенционального, финального начала. Основной побудительной причиной включения человеческого фактора в лингвистический анализ в коммуникативно-ориентированных французских лингвистических теориях является не философия прагматизма, но стремление преодолеть структуралистские табу на включение в анализ субъекта и экстралингвистических факторов.

Различия в подходах к проблеме номинации как отражения некой экстралингвистической реальности обусловлены тем, что европейская и англо-саксонская модель семантики по-разному трактуют проблему значения. Теория номинации опирается на механизм так называемого «семиотического треугольника», восходящего к стоикам и «реанимированного» К. Огденом и И.А. Ричардсом [Ogden, Richards 1923]. По этому поводу Ф. Растье достаточно емко замечает, что они «сделали вид, что вновь её открыли и дали ей вторую молодость» [Rastier 1994: 28]. Семиотический треугольник представляет собой триединство «реалия – понятие – имя», которое приобретает индивидуальные для каждого языка формы членения действительности. За реалией стоит совокупность признаков данного класса объектов – денотат. В понятие (сигнификат) входят категориально-языковые признаки имени. Третий элемент – это звуковая форма имени – означающее. Европейский структурализм в его канонической форме, восходящей к Ф. де Соссюру, рассматривает языковое значение как результат категоризации. Следовательно, одна из частей семиотического треугольника, а именно – денотат, остаётся за пределами исследовательского поля, поскольку сигнификат – это уже отражение реалии в форме «идеи» для носителя языка. Иными словами, европейская модель в её структуралистском воплощении обращается к сигнификативному значению, а англо-саксонская модель – к соотношению «означающее – денотат», т.е. к денотативному значению.

Возвращаясь к истории семантики на современном этапе и эволюции лингвистических методов и уровней языковой системы, вслед за И. Тамба-Меч можно выделить её основные этапы: 1) эволюционистский период (историческая и сравнительная семантика); 2) «смешанный» период с преобладанием лексической и структурной семантики; 3) период моделизации и формализации языка, семантика предложения и высказывания [Tamba-Mecz 1994: 11].

1. Эволюционистский период, 1883–1931: история слов.

Весьма условные рамки этого периода очерчивают начальный этап: появление статьи М. Бреаля «Интеллектуальные законы языка: фрагмент семантики» – официальное «крещение» семантики – и 1931 г. – дата выхода в

свет работы Трира «Немецкий словарный запас в области понимания смысла: история языкового поля» [Trier 1931] – теория семантических полей.

Основные черты данного периода следующие:

- ♦ объектом семантики является «эволюция» значений в языках;
- ♦ этой эволюцией управляют общие «законы»;
- ♦ эти законы, управляющие семантическими явлениями (“*phénomènes*”), выводятся из «наблюдения» фактов языка.

2. *Смешанный период, 1931–1963: история и структура лексики* – получает такое определение, так как он отмечен сосуществованием двух тенденций: эволюционистской (наследие предыдущего периода) и синхронической (в русле «Курса общей лингвистики» Ф. де Соссюра). Под влиянием структурализма семантика изменяет свою ориентацию в подходе к дихотомии «значение / смысл». Значение (или денотация) понимается не как внутреннее свойство слов и их комбинаций, но как отношение между словом и объектом или его концептом (понятием). Смысл представляет собой совокупность ценностей, значимостей (*valeurs*), которая определяет положение слова в языковой системе. Однако этот новый подход не означает полного разрыва с предыдущими позициями. Семантика в этот период обращается к лексике как к структурированной системе лексических единиц, в отличие от старого понимания словаря как номенклатуры.

3. *Период лингвистических моделей с 1963 г.*

Этот период может быть назван воистину «революционным» для семантики, так как изменения, происшедшие в этой области, кардинально влияют на её эволюцию и приводят к многообразию «семантик», которое, однако, можно свести к двум направлениям: а) семантические теории предложения-высказывания и б) прагматические теории смысла высказывания.

Семантика переносит центр интересов на синтаксический уровень, что выражается в следующих изменениях:

- *концептуальные* значения, связанные со словом-знаком, уступают место *реляционным* значениям, связанным с комбинаторикой структурных грамматических и лексических означаемых;

- синхроническое описание формальной структуры исключает из семантики исторический подход и диахроническое описание слов;

- поиск абстрактных моделей возрождает интерес к *когнитивным механизмам* усвоения и функционирования языка;

- семантика, с одной стороны, анализирует содержание лексических единиц, а с другой – занимается смысловыми межфразовыми отношениями, объединяя их и экстраполируя, таким образом, значения первых на значения вторых;

- применяя логико-математический аппарат к анализу языка, семантика формализуется, в результате чего рождается *формальная лингвистическая семантика* на логической основе [Tamba-Mecz 1994: 26].

...et des ailes...

Как известно, прагматика как часть семиотики (в её наиболее распространённом варианте, идущем от идей Ч.С. Пирса) и развитая Ч.У. Моррисом, распространяется во Франции довольно поздно – в конце 70-ых годов. Если ещё более позднее проникновение прагматических идей в нашу отечественную лингвистику объясняется прежде всего идеологическими и политическими причинами, то для Франции этот факт, на наш взгляд, обусловлен тем, что во-первых, во Франции не были восприняты идеи английской эмпирической философии (Дж. Локк), так же как и логического эмпиризма Венской школы (Р. Карнап). Послевоенные десятилетия во французской философской мысли отмечены бурным развитием (до конца 60-ых годов), а затем не менее бурным закатом структуралистского направления. Структурализм, доминировавший в гуманитарных науках более 30-ти лет, оставил столь глубокий след во французской гуманитарной (и лингвистической) мысли, что этот период заслуживает отдельного подробного описания (см. например, F. Dosse “Histoire du structuralisme”) [Dosse 1992, 1992a.].

В применении к идеям прагматики их восприятие во Франции явилось, с одной стороны, реакцией на имманентную философию структурализма [Normand 1997: 105–114], а с другой – «французская версия» прагматики берёт своё начало с идей одного из его блестящих представителей – Эмиля Бенвениста. Как указывает К. Норман [там же], французская прагматика имеет своим основанием лингвистику как описание естественных языков; базируясь на анализе высказывания в духе Э. Бенвениста.

Что же касается американской версии прагматики, столь бурно развивавшейся на отечественной почве (и, несомненно, имеющей своих адептов и во Франции – но это также тема для отдельного исследования), то она изначально проистекает из глобальной философии позитивизма – прагматизма, основанного Ч.С. Пирсом, представленного также Дж. Дьюи (J. Dewey) и Д. Мидом (G.H. Mead).

П. Лорендо, подвергая критике трихотомию «синтаксис / семантика / прагматика», называет её «моррисовской поделкой» (*bricolage morrissien*) и привлекает особое внимание к философским и идеологическим основаниям прагматики [Laurendeau 1997: 117]. По его мнению, прагматическое направление следует идеям У. Джеймса (W. James), философа-прагматиста начала века, представляющего идеологию значительной части американского населения, которая оказывала тогда давление на элитарное интеллектуальное меньшинство. Связь философов-прагматистов Оксфордской школы (Д. Остин, П. Грайс, Д. Серль) с идеологией прагматизма очевидна: многие основные положения их теорий были выдвинуты на конференциях памяти У. Джеймса. Концептуальный аппарат прагматизма (ассимилированного прагматикой) П. Лорендо сводит к следующим положениям:

Агностицизм
Эмпиризм
Финализм
Субъективизм

*Я говорю ни о чем другом, а только
об отдельных действиях,
имеющих последствия
для меня.*

В прагматике эти четыре тенденции выливаются в понятие достижения успешности (*felicity*) речевого акта [цит. раб.: 122–123]. Телеологический характер высказывания может выражаться через его аргументативность (Ж.-К. Анскомбр, О. Дюкро). Таким образом, П. Лорендо приходит к выводу, что теория полезного финального (интенционального) акта есть теория действия (интеракциональность). Но теория полезного акта усложняется при столкновении с референциальным планом в лингвистике. Сложные социальные действия, интегрирующие язык, оказываются сведены к речевым актам. Здесь и пересекаются лингвистика и философия языка. Идея полезности, финальности приводит, например, Д. Остина к анализу языковых маркеров для выявления «точечных действий» (*actions ponctuelles*), внимание концентрируется на том, что касается «эффективности дискурса в ситуации» – отсюда многочисленные исследования «частиц», «дискурсивных слов» (*mots du discours*) и других «коннекторов» [цит. раб.: 124].

Французская «теория высказывания» имеет своим основанием лингвистику как описание естественных языков; базируясь на анализе высказывания в духе Э. Бенвениста, она принадлежит, скорее, не к интерактивной, но интересубъективной парадигме, принимая постулат языкового обмена как основы субъективности, не интересуясь его философскими presuppositions. Эта линия исследований может быть возведена ещё к трактату о семантике М. Бреалья, который одним из первых заметил, что «всё в языке идёт от человека и адресуется человеку» [Bréal 1897: 309] и что «каждый из нас вносит свою долю в эволюцию человеческой речи» [цит. раб.: 2]. М. Бреаль рассматривает язык как *орудие коммуникации*, которая, в свою очередь, никогда не бывает нейтральным обменом информацией – это орудие действия; кроме того, уже у М. Бреалья мы встречаем понимание языковой деятельности как *акта*. Как Э. Бенвенист спустя полвека, М. Бреаль привлекает внимание к разному статусу личных местоимений первого и второго лица по отношению к третьему: именно первые содержат субъективные элементы, на которых базируется *речевой акт*.

Как и К. Норман, П. Лорендо приводит линию лингвистики высказывания, выдвинутую Э. Бенвенистом, в качестве противовеса или французской «реплики» прагматистскому видению речевой деятельности как «полезного акта». Он указывает на то, что «изначальная связь языка и действия» присутствует уже у «второго Витгенштейна» в его теории игр [Jacob 1976: 275–276]. Исключительность коммуникативной (и интенциональной) функции языка не принимается лингвистами Пражской школы, оказавшей, как известно, сильнейшее влияние на проникновение идей структурализма во Францию: они признают множественность функций языка, отдавая предпочтение эстетической направленности на означающее [Holenstein 1974:

1440]. Э. Бенвенист, воспринявший идеи структурализма, развивает их и преодолевает их редуционизм, выдвигая теорию лингвистики высказывания (*linguistique énonciative*). При этом он поддерживает идею множественности функций языка: «Мы осуществляем с помощью языка бесконечное множество употреблений, простое перечисление которых может соотноситься со всеми видами деятельности, требующими работы человеческого разума» [Benveniste 1958: 63]. Функции языка столь разнообразны и связаны со всеми видами человеческой практики, что Э. Бенвенист заключает: «... чтобы назвать их одним словом, я бы сказал, что прежде чем служить целям коммуникации, язык служит жизни» [Benveniste 1967: 217].

Однако Э. Бенвенист не исключает из анализа прагматическую составляющую, признавая её, в частности, за императивом. С другой стороны, он проводит чёткое разграничение функций дескриптивной лингвистики и прагматики, противопоставляя высказывания с «я» и именем, относящим к другому лексическому понятию: «Высказывание, содержащее “я”, принадлежит к тому уровню или языковому типу, который Чарльз Моррис называет прагматическим и который включает, вместе со знаками, и тех, кто его использует» [Benveniste 1956: 251–252]. Таким образом, лингвистика высказывания оказывает сопротивление с одной стороны, структурализму, а с другой – прагматике. П. Лорендо называет этот подход *непрагматическим пост-структурализмом* [Laurendeau 1997: 127]. Э. Бенвенист отдаёт разработку прагматической составляющей логикам-неопозитивистам, разрушая, таким образом, трихотомию. В дальнейшем эта позиция будет развита в теории операций высказывания (*opérations énonciatives*) А. Кюльоли (см. например, [Culioli 1990, 1992]) в части гиперсинтаксиса (*hypersyntaxe*) или гиперсемантики (*hypersémantique*) у Э. Бенвениста: «Если язык рассматривается как действие, как реализация, он с необходимостью предполагает говорящего и его положение в мире. Эти отношения представлены вместе в том, что я определяю как семантику» [Benveniste 1967: 324].

В теории А. Кюльоли, по мнению П. Лорендо, преодолены три основные тенденции прагматизма: 1) эмпиризм (ситуация высказывания способна быть обобщённой в отличие от отдельного акта); 2) финализм (весь корпус высказываний обусловлен лингвистически в отличие от «полезного акта»); 3) субъективизм (выдвижение параметров пары «говорящий / собеседник» в противовес индивидуальному говорящему, навязывающему свою версию слушающему) [цит. раб.: 128]. Таким образом преодолеваются противоречия структурализма и прагматики: «...невозможна языковая теория, отрицающая укоренённость (*ancrage*) естественных языков в ситуациях» [Culioli 1967: 67].

Более чем полувековая история существования прагматики, а точнее – сосуществования семантики и прагматики – значительно видоизменила эти области семиотики, и теперь было бы неоправданным упрощением представлять прагматический анализ исключительно как акт воздействия, убеждения адресата. Ф. Немо и П. Кадьо пытаются определить соотношение этих двух «сиамских дисциплин», предварительно очерчивая область

семантического и *прагматического*. По их мнению, возможно двойное проведение водораздела между ними:

- *семантическое* соотносится с языком, а *прагматическое* – с тем, что находится в области его употребления (коммуникация);

- второе представление проистекает из моррисовской триады и имеет логическое обоснование: *семантическое* относится к денотации, соотношению «знак / мир», а *прагматическое* – это область отношений между говорящими и языком [Nemo, Cadiot 1997: 18].

Таким образом, *прагматическим* будет не-языковое, не-денотативное, или одновременно и не-языковое и не-денотативное. Возможно также тройное определение и для *семантического*: языковое не-денотативное, денотативное не-языковое или – и денотативное и языковое. Уже при таком тройном определении возможно смешение определённых вещей как семантических и/или прагматических.

Авторы представляют графически эти соотношения по двум осям: «язык / коммуникация» (т.е. его употребление) и «денотация / взаимодействие» (интеракция) между говорящими. Такое представление позволяет выделить четыре сектора, в которых уже можно наблюдать «наложение интересов» семантики и прагматики.

В сектор, образованный осями «язык / интеракция», попадают «Лингвистическая прагматика», «Лингвистика (семантика) дискурса» и «Семантика-прагматика» с понятиями высказывания, дискурса, языкового контекста (co-texte), аргументации, полифонии и интерлокутивности, речевых актов.

Сектор, образованный осями «коммуникация / интеракция», представляет собой область «Прагматики интеракции (взаимодействия) и конверсационного анализа», включает проблемы тех же речевых актов, диалога, разговора (conversation), косвенности, конверсационных постулатов, имплицитности, вежливости, языковых игр.

В секторе, образованном отношением «язык / денотация», оказываются «Лингвистическая семантика» и большая часть «Логической семантики» с их интересом к коду, высказыванию, интересубъективности, перформативности, эксплицитному, лексическому смыслу (semy), форме.

Наконец, сектор, образованный осями «денотация / коммуникация», – это область «Когнитивной семантики» и «Прагматики коммуникации», в интересы которых входят проблемы пресуппозиций, индексальности, имплицатур, истинности, логического, референции, возможных миров, ментальных пространств, прагматического контекста (contexte), пертинентности (аргументативной значимости) [цит. раб.: 19–20].

Предполагает ли столь разнообразное «наполнение» выделенных секторов гетерогенность *прагматического* и *семантического*? Авторы настаивают на их внутреннем единстве, определяя область *прагматического* как «всё, что может быть отнесено к одному (или нескольким одновременно) принудительным условиям (contraintes), которые оказывают воздействие на

процесс коммуникации (говорения) (*pèsent sur le dire*), так же как и сами эти условия» [цит. раб.: 21]. Такой подход позволяет избежать противопоставления семантического и прагматического как компетенции и её реализации (*performance*), что позволяет отнести умение использовать вышеназванные принудительные условия к области компетенции.

Внутреннее единство *семантического* обеспечивается двумя способами подхода к анализу знаков: первый, лингвистический, направлен на их взаимоотношения как в синтагматике, так и в парадигматике. Второй, логический, фокусируется на отношении «знак / мир». Оба подхода предполагают единый объект анализа: языковые знаки.

В этой перспективе прагматика определяется как «наука говорения» (*science du dire*), термин «*dire*» отличается как от «языка» (*langue*), так и от «речи» (*parole*) как реализации языка. Следовательно, в круг проблем прагматики входят природа говорения (*nature du dire*), его условия, интерлокутивное регулирование, пространство говорения. Всё это доказывает, что прагматика обладает объектом исследования одновременно лингвистическим и не-лингвистическим, единым и разнородным [Nemo, Cadiot 1997a: 12–15].

Внешняя простота и ясность определения объекта семантики как способа доступа к информации через значимые единицы (представленной как семантическое содержание – *contenu sémantique*), также не свидетельствует о его однородности. Само понятие знака предполагает, по крайней мере, его двойное прочтение: он либо ассоциируется с «означающим», либо, в сосюрговской и августианской традиции, предполагает соединение означающего и означаемого. Представление означаемого как «мысленного образа» (*image mentale*) влечёт за собой новые проблемы: его изоморфно-иконическая модель блокирует возможность герменевтического толкования, его динамизированные варианты (схемы, гештальты и т.д.) также не в состоянии адекватно описать все «сложные случаи» (полисемия, метафора, игра слов и т.д.). Чтобы разрешить эту проблему двойственности объекта семантики Ф. Немо и П. Кадьо предлагают рассматривать его как составной объект, имеющий одновременно семиотическую и семантическую стороны. Что же касается знаков, то следует принять тезис о том, что они лишь «указывают на то, как следует их воспринимать» (*appréhender*) [цит. раб.: 24], чтобы получить доступ к их содержанию. Этот подход, как указывают авторы, был принят ещё в грамматике средневековых модистов, которые полагали, что слова отсылают к способам (модусам) восприятия реального или речевого (*du réel ou du discours*) [Rosier 1984: 21–34].

Существующие определения семантики и прагматики (такие как представление прагматики как исследования смысла минус условия истинности, которые выпадают на долю семантики [Gazdar 1979]; или увязывания распределения условного смысла с семантикой, а разговорного – с прагматикой [Grice 1975]; или соответственного соотношения «код / инференция» [Sperber, Wilson 1986]) не отражают всего

спектра и специфики проблем, разрабатываемых данными дисциплинами. Так или иначе, следует констатировать, что ни семантика, ни прагматика по отдельности не в состоянии дать адекватное описание смысла высказываний.

Чтобы показать взаимозависимость и взаимосвязь семантики и прагматики, авторы основываются на характеристике лингвистической модели с точки зрения её внешних гипотез (вопросы, которые ставит перед собой данная модель) и внутренних гипотез (ответы, которые возможны в рамках данной модели) (О. Дюкро). С этой точки зрения возможны четыре подхода [цит. раб.: 29–33]:

- а) постановка семантических вопросов и их семантическое объяснение;
- б) постановка прагматических вопросов и их прагматическое объяснение;
- в) постановка семантических вопросов и их прагматическое объяснение;
- г) постановка прагматических вопросов и их семантическое объяснение.

Первые два подхода характерны для семантики и прагматики как автономных дисциплин. В отношении семантики отмечается постепенный переход от узкого лингвистического структурного анализа к исследованиям на базе соотношения «знак / мир», их логической формализации, особенно в её англо-саксонском варианте.

Третий вариант особенно распространен во французской лингвистике: это прежде всего лингвистика высказывания (Э. Бенвенист), интегрированная прагматика или лингвистика дискурса (О. Дюкро) – или даже семантика-прагматика. Как уже отмечалось, эти подходы обращаются к отражению прагматического в языке, преодолевая альтернативу возможного объяснения знаков через отношение «знак / знак» или «знак / мир», так или иначе они соотносятся с говорением (*dire*) и высказыванием (*énonciation*).

Попытки создания интегрированной семантики (четвертый подход) более редки. Таковы подходы А. Беррендонера [Berrendonner 1981], А. Вежбицкой [Wierzbicka 1991], Ф. Немо [Nemo 1992]. Первый ставит задачу «интегрировать рестриктивную концепцию языка (как систему знаков в репрезентативной функции) в расширенную (*extensive*) теорию коммуникации» [цит. раб.: 30], например, разработать репрезентативную теорию иллокутивности. Для А. Вежбицкой эта проблематика расширяется в «семантику человеческого взаимодействия» речь идет об описании «семантики иллокутивной силы», или, например, тавтологии. Ф. Немо предлагает полную семантику аргументативной значимости высказывания (*pertinence énonciative*), включающую и иллокутивную значимость. Идея третьего подхода о зависимости семантического от прагматических факторов в таких моделях инвертирована: иллокутивная или аргументативная значимость высказывания описывается через его специфическую семантику.

Ф. Немо и П. Кадью приходят к выводу о том, что невозможно построить прототипическую общую теорию интерпретации на основе линейного принципа. Они предлагают «вертикальный» подход к интерпретации высказывания, включающий вопросы как семантического, так и

прагматического порядка. Основная идея, которую защищают авторы, заключается в том, что «хорошая семантика есть основное условие хорошей прагматики, и наоборот» [цит. раб.: 38]. Перефразируя Ф. де Соссюра, они утверждают, что то, что следует описывать, это «не музыкальная партитура и не её исполнение», но то, что идет до них, «совокупность инструментальных возможностей» [там же].

Размышления над соотношением семантики и прагматики приводят некоторых лингвистов к отказу от существования барьеров между ними, [Attal 1997: 91–103], к попытке объединения подходов семантики высказывания и прагматики речевых актов на почве эмпиризма [Gaulmyn 1997: 105–119], к идее «растворения» прагматики в синтаксисе и семантике [Tuvaert 1997: 95–104].

Подобно тому как появление генеративизма вызвало волну дискуссий о (не)зависимости синтаксиса и семантики, претензии прагматики на гегемонию в лингвистике [Moeschler & Reboul 1994] заставляют лингвистов оглянуться на путь, пройденный их дисциплиной, и попытаться ответить на вопрос: может быть, прагматическое новое - это лишь хорошо забытое старое на новом витке эпистемологической спирали?

Как видим, семантика и прагматика в современной трактовке французских лингвистов соотносятся отнюдь не так, как мы привыкли это делать вслед за адептами англо-саксонской философии языка. Понимание объекта семантики в данном случае оказывается гораздо шире, нежели узкие рамки пропозиции, приходящиеся на долю семантики в классической формуле речевого акта. Стремление преодолеть моррисовскую триаду наблюдается у представителей как ономаσιологического, так и семасиологического подходов. Так, Ф. Растье, разрабатывающий проблематику интерпретативного направления, без колебаний относит к *семантическим* ряд разнородных по отношению к пониманию значения дисциплин [Rastier 1994: 23–24]:

1. *Логическая семантика*, или истинностная семантика, которая в результате логической формализации приобрела статус *формальной семантики*.

2. *Психологическая семантика*, определяющая значение как отношение между знаками и ментальными представлениями или операциями.

3. *Когнитивная семантика* близка к психологической семантике, поскольку определяет значение как ментальное представление.

4. *Лингвистическая автономная семантика*, основанная на структурной лингвистике, представляет значение как языковое отношение между знаками, точнее, между означаемыми, которые, в свою очередь, имеют психологические и даже физические корреляты, не определяющие их (означаемые) как таковые.

Исходя из трёх исторически сложившихся моделей языкового знака – *референциальной* (значение как ментальное представление в трактовке истинностной и когнитивной семантики), *инференциальной* (значение как

интенциональный акт разума, устанавливающий отношение между двумя знаками или объектами в прагматической парадигме), и *дифференциальной*, (значение как результат категоризации), Ф. Растье предлагает преодолеть противоречия между семантикой и прагматикой путем создания *единой семантики*, основанной на *дифференциальной* модели, включая инференцию и референцию в рамки дифференциальной семантики.

Подведём некоторые итоги: французская семантическая традиция в плане трактовки области семантического имеет следующие особенности:

- исторически французская семантическая традиция может быть отнесена к недифференцированному изучению значения языковых единиц, восходящему к средневековой системе тривиума;
- официально семантика получает статус самостоятельной дисциплины с работ М. Бреала.
- с точки зрения методологической и уровневой современная французская семантика эволюционировала в общем русле движения современной лингвистической мысли.
- французская семантическая традиция отличается стремлением к расширительному и синтетическому толкованию области семантики и ее задач.

Список литературы

- Attal, P. Et si l'on remettait les choses à l'endroit? // *Revue de Sémantique et Pragmatique*. 1997. № 2. P. 91–103.
- Benveniste, E. La nature des pronoms // *Problèmes de linguistique générale*. Paris: Gallimard, 1956. T. I. P.251–257.
- Benveniste, E. Catégories de pensée et catégories de langue // *Problèmes de linguistique générale*. Paris: Gallimard, 1958. T. I. P.67–74.
- Benveniste, E. La forme et le sens dans le langage // *Problèmes de linguistique générale*.
- Berrendonner, A. *Eléments de pragmatique linguistique*. Paris: Minuit, 1981. 247 p.
- Bréal, M. *Essai de sémantique, science des significations*. Paris: Hachette, 1897 (Les numéros des pages se réfèrent à l'édition de 1921). 372 p.
- Culioli, A. *La communication verbale. L'Homme et les autres: (L'aventure humaine – Encyclopédie des sciences de l'homme)*. Paris: Grange Batelière, 1967. P. 65–73.
- Culioli, A. *Pour une linguistique de l'énonciation: opérations et représentations*. Paris: Ophrys, 1990. T. 1. 225 p.
- Dosse, F. *Histoire du structuralisme*. Paris: La Découverte, 1992. T. 1. 472 p.
- Dosse, F. *Histoire du structuralisme*. Paris: La Découverte, 1992a. T. 2. 542 p.
- Gaulmyn, M.-M. *Sémantique de l'énonciation et pragmatique des actes du discours: une jonction devenue nécessaire* // *Revue de Sémantique et Pragmatique*. 1997. № 2. P.105–119.
- Gazdar, G. *Pragmatics, Implicature, Presupposition and Logical Form*. New-York: Academic Press, 1979. 186 p.
- Grice, P. *Logic and conversation* // *Syntax and Semantics 3: Speech Acts*. New-York: Academic Press. 1975. P. 56–82.
- Holenstein, E. *Jakobson ou le structuralisme phénoménologique*. Paris: Seghers, 1974. 258 p.
- Jacob, A. *Introduction à la philosophie du langage*. Paris: Gallimard, 1976. 447 p.

- Laurendeau, P. Contre la trichotomie Syntaxe/Sémantique/Pragmatique // Revue de Sémantique et Pragmatique. 1997. № 1. P.115–131.
- Moeschler, J., Reboul, A. Dictionnaire encyclopédique de pragmatique. Paris: Le Seuil, 1994. 562 p.
- Nemo, F. Contraintes de pertinence et compétence énonciative: l'image du possible dans l'interlocution. Paris: Thèse de l'EHESS, 1992. 429 p.
- Nemo, F., Cadiot P. Un problème insoluble? // Revue de Sémantique et Pragmatique. 1997. № 1. P. 15–22.
- Nemo, F., Cadiot, P. Un problème insoluble? // Revue de Sémantique et Pragmatique. 1997a. № 2. P. 9–40.
- Normand, C. Sémiotique et pragmatique: Un aperçu sur leur histoire // Revue de Sémantique et Pragmatique. 1997. № 1. P.105–114.
- Ogden, C.K., Richards, I.A. The Meaning of Meaning. Londres: Routledge and Kegan Paul, 1923 (rééd. 1969). 363 p.
- Rastier, F., Cavazza, M., Abeillé, A. Sémantique pour l'analyse. De la linguistique à l'informatique. Paris: Masson, 1994. 240 p.
- Rosier, I. Grammaire, Logique, Sémantique, deux positions opposées au XII-ème siècle: Roger Bacon et les modistes // Histoire, Epistémologie, Langage. 1984. Vol.6, № 1. P. 21–34.
- Sperber, D., Wilson, D. La Pertinence. Paris: Minuit, 1989 (trad. fr. de Relevance. Londres: Blackwell, 1986). 396 p.
- Tamba-Mecz, I. La sémantique. Que sais-je? Paris: PUF, 1994. 127 p.
- Trier, J. Der deutsche Wortschatz im Sinnbezirk des Verstandes. Die Geschichte eines sprachlichen Felds. 1931.
- Tyvaert, J.-E. La question du positionnement de la pragmatique dans les sciences du langage // Revue de Sémantique et Pragmatique. 1997. № 1. P. 95–104.
- Wierzbicka, A.A. Cross-Cultural Pragmatics. The Semantics of Human Interaction. Berlin;New-York: Mouton de Gruyter, 1991. 254 p.

TWO WORLDS – TWO SEMANTICS

N.P. Anisimova

The paper explores semiotic basis of European (French) and Anglo-Saxon (American) linguistic traditions and gives a survey of some views on semantics/pragmatics correlation through their historical evolution.

Keywords: semantics, nomination theory, pragmatics, trivium, triade, history of linguistics.